

Михаил Свердлов

Загадки трагедии Софокла «Эдип-царь»: логика мифа

Трагедия Софокла «Эдип-царь» задает современному читателю трудные загадки; поразмышляем над двумя из них. Первая загадка задана Эдипу Сфинксом (или точнее — Сфингой): «Кто из живых существ утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» Вторая загадка задана самим Эдипом: почему он, единственный из всех героев греческой мифологии, лишил себя глаз? На каждый из этих вопросов есть два ответа: во-первых, с точки зрения мифа; во-вторых, с точки зрения трагедии. О логике мифа мы поговорим более подробно; о логике трагедии — конспективно.

Логика мифа

1. Для мифа важно не только что загадано, но еще и — кто загадывает? — и кому? «Кто из живых существ утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» — спрашивает Сфинга у Эдипа. «Человек, потому что он ползает на четвереньках в младенчестве, твердо стоит на двух ногах в молодости и опирается на палку в старости», — отвечает Эдип.

Кто загадывает загадку? — чудовище, архаическое порождение Геи-Земли — Сфинга. Характерна ее «родословная»: от Геи и подземного — ночного и бездонного — Тартара родились змей Тифон («У Тифона не только сотня змеиных голов, но это головы, мечущие из глаз пламя, а глотки этого чудовищного дракона испускают «невыразимые голоса» — то рев быка, то львиный рык, то собачий лай или змеиный свист, а то вдруг внятный голос, доступный для понимания»¹) и Ехидна (она соединяет в себе «тело пестро разрисован-

ной чудовишной змеи и лик прекрасной быстроглазой девы»; «могучая духом», она «залегает в глубокой пещере под землей, как положено ее змеиной сущности, и несет гибель, заманивая путников обманчивой прелестью своего лица»²); от Тифона и Ехидны, вместе с Лернейской гидрой, Химерой, псами Орфом и Кербером, родилась Сфинга — «Душительница с туловищем льва, головой и грудью девы, крыльями хищной птицы, змеиным хвостом. Это чудовище обладало особой мудростью. Не сумевших разгадать загаданную ей загадку Сфинга душила в костистых лапах, так же как ее мать Ехидна душила путников в кольцах змеиного тела»³.

Загадка Сфинги — «хтоническая»: это загадка о человеке, загаданная дочеловеческой и доолимпийской мудростью — чудовишной мудростью древней Земли и подземного мира. Однако: в чем же мудрость этой немудрящей (на наш взгляд) загадки? Не стоит обманываться ее явной простотой; в этой простоте таится «мрак» неявного. Вдумаемся: кому загадана загадка? Она предназначена не кому-нибудь, не всем и каждому, а именно Эдипу; ее простота означает, что для разгадки предназначен именно Эдип. Недаром смысл загадки особенным образом повернут к Эдипу. Люди вообще в младенчестве ходят на четырех ногах; Эдип же — в особенности — из-за своих израненных ног («Эдип» означает «с опухшими ногами»). Люди вообще в зрелости ходят на двух ногах; Эдип же — в особенности «крепко» стоит «на двух ногах» — как «агонист» (то есть — «соревнователь», «борец», вступающий в единоборство с Лаем и его свитой, со Сфингой), как «гибрист» (то есть дерзкий и самонадеянный смельчак, бросающий вызов судьбе), наконец, как уверенный в себе властитель. Люди вообще в старости ходят на трех ногах; Эдип же — в особенности — из-за своей слепоты.

В загадке Сфинги — насмешка дочеловеческого мира над «двухногой» зрелостью человека: доля этой зрелости столь же жалка и ничтожна, как и доля предшествующего ей «четырёхногого» младенчества, как и доля сменяющей ее «трехногой» старости. Но объект этой насмешки — не просто человек вообще; в загадке говорится о трех возрастах самого Эдипа: чем крепче он стоит на своих «двоих ногах» сейчас, тем страшнее его «четырёхное» младенчество (здесь завязка его судьбы) и его «трехногая» старость (здесь развязка его судьбы). В каждом слове Сфинги — злоеший и иронический намек, обращенный к самому разгадывающему Эдипу.

Далее: кто есть Эдип — когда он разгадывает «хтоническую» загадку и побеждает Сфингу? Родственные Сфинге чудовища, ее братья и сестры, были побеждены: Химера — Беллерофонтом, Лернейс-

кая гидра, псы Кербер и Орф — Гераклом. Теперь пришла очередь и Сфинге — быть вырванной из мира классической мифологии; Эдипу же — стать «антихтоническим» героем, «очистителем» мира, избавителем от доолимпийской «скверны» — наряду с Персеем, Беллерофонтом, Тесеем и Гераклом.

Но хтонические чудовища никогда не могут быть побеждены вполне; для самого же героя такая победа никогда не может пройти бесследно. В борьбе с чудовищами герой «заражается» от них, становится «причастен» и в некотором смысле — соприроден им. Так Геракл еще в младенчестве соприкоснулся с хтоническим миром, играючи удавив чудовищных змей, — и заплатил за это душевной болезнью, выразившейся в припадках смертоносного безумия; Лернейская гидра (сестра Сфинги) и кентавр Несс побеждены им, но именно от яда гидры и предсмертного коварства кентавра и суждено погибнуть самому Гераклу — в конце концов. Такова же, в самом общем виде, и участь Эдипа. Именно его — как оскверненного и осквернителя (заранее, до всякого деяния) — гонит пифия из Дельфийского святилища: «Прочь из святилища, несчастный! Ибо ты убьешь своего отца и женишься на матери!». Собственно, как вражда с отцом, так и соитие с матерью — характерные признаки архаической, матриархальной мифологии — культа Матери Земли: ведь сама Земля-Гея вступает в брак со своим сыном Ураном, а сын Урана Крон убивает своего отца. Убив отца и став мужем матери, Эдип погружается в глубокую родовую архаику; соответственно сородичами и соотечественниками, узнавшими о его судьбе, он воспринимается как чудовище, принадлежащее тому же древнему, доолимпийскому миру, что и Сфинга (С.С.Аверинцев о «знании» Эдипа: «Им можно одолеть грозящее извне чудовище, но оно не гарантирует от того, что победитель сам обернется чудовищем»⁴). Вот Креонт в ужасе восклицает:

...О, можно ль показать
Подобный срам?.. Его земля не примет,
Ни дождь священный, ни небесный свет.

Спорит ли с ним Эдип? Нет: в его восприятии самого себя — тот же ужас:

Молю тебя, раз ты мой страх рассеял,
Мне — гнусному явившись столь прекрасным,
Послушай... о тебе забочусь я.

Креонт

Какой услуги просишь так упорно?

Эдип

О, изгони меня скорей, — туда,

Где б не слышал людского я привета.

Как в свое время город надо было избавить от скверны — Сфинги, так теперь тот же город надо вновь избавить от скверны — уже самого Эдипа. Смерть Эдипа будет отмечена той же печатью хтонической архаики. Место, где он должен умереть, — роща древних чудовищных Эриний. Он умирает, поглощенный разверзнувшейся Землей, — по воле подземного божества; так подчеркнута хтоническая природа Эдипа. Судьба Эдипа была предсказана судьбой его прародителя Кадма: убив змея, Кадм после смерти стал змеем.

2. Второй вопрос: почему Эдип ослепил себя? По логике мифа причина — в родовом проклятии. Остается выяснить: каков метафорический смысл этого родового проклятия, какова его логика? Эдип принадлежит к роду фиванских Кадмидов; чтобы основать Фивы, Кадм, подобно многим другим героям олимпийской эпохи, должен убить дракона. Родовое проклятие Кадмидов — результат «заражения» Кадма от хтонического чудовища.

Чтобы понять, как это родовое проклятие разворачивается, необходимо проследить судьбы потомков Кадма. Внук Кадма Пенфей «видит Диониса в оковах, видит обрушенным дворец — но это только морок, бред. Его мать [дочь Кадма] Агава в вакхическом безумии принимает своего сына Пенфея за льва и вместе с другими вакханками разрывает его на части и даже не узнает головы сына, продолжая видеть в ней голову льва. А царь Афамант в дионисийском ослеплении принимает свою жену Ино [дочь Кадма] и сына за львицу с львенком, и Ино, спасаясь от него бегством, бросается с ребенком в море» (Я.Э.Голосовкер)⁵. Дочери Кадма Семеле, которую полюбил Зевс, ревнивая Гера внушила «мысль попросить Зевса явиться к ней во всем своем божественном величии»; «тот, представ перед ней в сверкании молний, испепелил огнем смертную Семелу»⁶. Внук Кадма Актеон «был превращен богиней Артемидой в оленя за то, что увидел ее купающейся»; «после этого он стал добычей своих собственных собак»⁷.

Что объединяет все эти судьбы? Проклятие одних Кадмидов — в «слепоте мнимой зрячести», «в безумии, омрачающем зрение испуганного вакханта» (Я.Э.Голосовкер)⁸. Проклятие других — в том, что они увидели слишком многое — узрели то, что не должно зреть смертному: Семела — Зевса во всем величии, Актеон — нагую Артемиду. Воспользуемся понятийным рядом Я.Э.Голосовкера: «кривая смысла» в судьбе Кадмидов прочерчивается в смысловом поле «видение — не-видение», метафорически соотносящемся с «ведением — не-ве-

дением». Для всех Кадмидов видение равно не-ведению: одни ослеплены не-ведущим видением (обезумевшие, галлюцинирующие Агава, Пенфей, Ино, увлекаемые «мнимым знанием безумца-оргиаста, зверино-яростным, но восторженно-опьяняющим по ощущению и в то же время пустым и часто гибельным по результатам» — Я.Э.Голосовкер)⁹; другие ослеплены видением неведомого (Семела и Актеон).

В своем видении-не-ведении Кадмиды — преступники и жертвы, гибнущие или убивающие; им выпадают величайшие несчастья, но ценой этих бед — и высшее отличие: в пределе каждый из них может быть удостоен божественного статуса. Родоначальники Кадм и Гармония после смерти поселились в Стране Блаженных — Элизиуме; Ино со своим сыном Меликертом превратились в морских богов, Семела стала матерью могущественного бога Диониса и была взята им из Аида на Олимп. Такова логика родового проклятия и родовой славы.

В образе Эдипа эта логика находит наиболее полное и законченное выражение: в его судьбе сконцентрированы, с одной стороны, оргиастическая слепота Агавы и Афананта; с другой стороны, видение запретного, «нескромное проникновение в сокровенное» Семелы и Актеона; ему суждено достигнуть предела человеческих возможностей и предела человеческих несчастий.

Оргиастическая слепота проявляется в «гибрис» («дерзости») Эдипа: он «очень забывчив, он действует как бы во сне, ибо опьянен своей мудростью, своей славой, своей властью. Пока он — герой и пользуется привилегией героя — совершать «деяния», его деяния оказываются слепыми и пассивными претерпеваниями» (С.С.Аверинцев)¹⁰; отсюда в нем — дерзкая порывистость и вспышки самозабвенной ярости: «вспыльчивость, нетерпеливость, самообольщение, безграничная уверенность в умственном превосходстве являются теми причинами, которые ослепляют Эдипа еще до его слепоты» (О.М.Фрейденберг)¹¹. Так, взбешенный, он убивает Лая и его спутников — не ведая (не видя), что убивает своего собственного отца; столь же слеп он, поспешно гневаясь на старца Тиресия и Креонта — он ищет в них врагов, не ведая (не видя), что худший враг себе — он сам.

Эдип

Негодный из негодных! Ты и камень
Разгневаешь! Заговоришь иль нет?

Тиресий

Меня коришь, а нрава своего
Не примечаешь. — все меня поносишь...

Эдип

...Умертвить, а не изгнать;
Тогда поймешь ты, что такое зависть.

Креонт

Настаиваешь, значит, и не веришь?

Эдип

Нет, ты доверья мне внушить не мог.

Креонт

Безумен ты!

Аналог запретному веданию-видению Семелы и Актеона — инцест Эдипа. Совершив инцест, он неосознанно «вторгся» в триеди- ную тайну — «эротическую», «политическую» и «сакральную». По- чему «политическую»? Дело в том, что для античного сознания со- итие с матерью — устойчивый символ тиранической власти: «тиран в своем отношении к родине-матери переходит от роли гражданина- сына к роли повелителя-супруга, он «овладевает» и «обладает» род- ной землей, как «отдавшейся» женщиной. Но ведь Эдип и есть «ти- раннос», а происхождение Иокасты от одного из землерожденных «спартов» делает ее особенно явной заместительницей фиванской земли» (С.С.Аверинцев)¹². Почему «сакральную»? Вновь апеллируя к античному сознанию, С.С.Аверинцев подчеркивает: для греков и римлян инцест прочно связа- н с магическими обрядами и тайноведе- нием: «Кровосмешение запретно и страшно; но ведь и тайны богов тоже запретны и страшны»¹³. Сойдясь с матерью, Эдип «извержен из рода человеческого», но тем самым причастен к «миру надчеловечес- кому»; тот же вне- и над-человеческий смысл в самоослеплении Эди- па: слепота для грека — предел унижения и несчастья («лучше не ро- диться, чем ослепнуть», — утверждает в «Эдипе» хор) и вместе с тем — начало сверхчеловеческих возможностей и способностей (примера- ми тому, помимо Эдипа, — Тиресий и Демодок). Таким образом, не случайно в завязке и преддверии развязки драмы говорится о божес- твенности Эдипа — как хором, так и самим героем. В завязке он об- ращается к фиванскому народу: «О чада»; хор же в ответной речи на- зывает его «лучшим среди смертных». В преддверии развязки Эдип называет себя сыном Судьбы и братом Месяцев, хор же гадает, не сын ли он Пана, или Аполлона, или Гермеса. «Софокл в «Эдипе-царе» воспользовался ритуальной схемой очищения полиса и космоса пу- тем изгнания (или убийства) «тирана», объединившего в себе божес- твеннейшее и позорнейшее» (А.Ахутин)¹⁴.

Ирония заключается в том, что Эдип, действительно, причастен к священной тайне, но сам не знает об этом; тем более не знает он, что это за тайна и сколь страшна она для него самого. «Изведав — не ведает», «увидев — слеп» — такова первая половина эдипова парадокса; вторая половина: «ослепнув — прозрел». Узнание о том, к какой чудовишной тайне он был причастен, подобно для Эдипа вспышке ослепительной молнии — той молнии, что испепелила Семелу. Для Кадмидов вообще характерны эти «вспышки» зрения-как-слепоты, слепоты-как-зрения: «Пенфей в безумии «видит» двойное небо и двойные Фивы»; «пришедшая в себя Агава «видит» небо в большем сиянии, чем прежде» (О.М.Фрейденберг)¹⁵.

Впервые по ходу действия трагедии обе половины этого парадокса совмещаются в диалоге Эдипа с Тиресием. Судьба Тиресия, потомка фиванских «спартов» (детей земли, проросших из посеянных Кадмом зубов дракона), параллельна судьбам Кадмидов. В юности он, подобно Актеону, увидел обнаженной другую божественную деву — Афину, и та вырвала у него глаза; взамен зрения Тиресий получил от Зевса всеведение. Итак, слепой-но-ведающий (Тиресий) встречается со зрячим-но-неведующим (Эдипом); последний, не ведая, видит в первом свою будущую долю: Эдипу самому суждено вырвать себе очи и после этого, подобно Тиресию, получить дар всеведения. Открывшееся в слепоте Эдипа всеведение столь непостижимо и страшно для смертного, что Тесей, свидетель его смерти, чувствует себя едва ли не в положении Актеона или юного Тиресия: он прикрывает рукой глаза, «словно при появлении чего-то страшного, он не в силах смотреть». Такова схема «зрения — слепоты» Эдипа — в мифе.

Логика трагедии

1. Кратко: что означает, по логике трагедии, загадка Сфинги? Чтобы ответить, необходимо уяснить себе: трагедия переводит историю об Эдипе в сферы этики, закона и познания; соответственно меняется и ее смысл. О загадке Сфинги в трагедии говорится всего один раз — но более чем многозначительно — в диалоге Эдипа и Тиресия.

Тиресий

Сегодня ты родишься и умрешь.

Эдип

Опять слова неясны, как загадки.

Тиресий

В отгадывании ты ли не искусник?

Одна загадка замещается другой; новая загадка освещает старую новым светом. «Сегодня ты родишься и умрешь» — что это значит? «Родишься» — то есть: пока не познаешь себя — не родишься, останешься тем, кто «утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех», но еще не человеком. «Умрешь» — то есть: познав себя, познаешь страшное, все отменяющее и равное смерти. Итак, смысл загадки Сфинги в свете загадки Тиресия глубоко ироничен: «Что есть человек, кроме того, что он утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» «Все известное [о человеке] оказывается неизвестным, полюса оборачиваются, значения меняются на обратные. Открывается не поучительный смысл, а неустранимая, коренная загадочность бытия и человека... “Это напряжение... делает трагедию вопрошанием, не имеющим ответа. В трагической перспективе человек и человеческое действие рисуются не как реальности, которые можно было бы определить или описать, а как проблемы. Они оказываются загадками, двойной смысл которых никогда не может быть ни устранен, ни однозначно зафиксирован” (Ж.-П.Вернан). Так Эдип, разгадавший загадку Сфинги о человеке, открывает в конце концов себя, человека, как неразрешимую загадку» (А.Ахутин). «Его истинное величие состоит именно в том, что предельно выражает его загадочную природу: в вопрошании» (Ж.-П.Вернан)¹⁶.

Сфинга не просто спрашивает о человеке — она ставит его под сомнение. Другое — связанное с хтонической мудростью — божество раскрывает смысл заданного Эдипу вопроса: «Ходит стародавнее предание, что царь Мидас долгое время гонялся по лесам за мудрым Силеном, спутником Диониса, и не мог изловить его. Когда тот наконец попал к нему в руки, царь спросил, что для человека наилучшее и наипредпочтительнейшее. Упорно и недвижно молчал демон; наконец, принуждаемый царем, он с раскатистым хохотом разразился такими словами: «Злополучный однодневный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать тебе то, чего полезнее было бы тебе не слышать? Наилучшее для тебя вполне недостижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству для тебя — скоро умереть»¹⁷. То, что открылось Эдипу в его ослепляющем прозрении, — это первоначальный хаос — бездна «ничто», зияние бессмысленности. Так «породившее» его «в этот день» знание в тот же миг и «убивает» его. «Что есть человек, кроме того, что он ходит утром на четырех ногах, днем на двух, вечером на трех?» Ничто.

2. Вопрос о самоослеплении Эдипа ставится трагедией в форме апории (логического противоречия). На вопрос хора:

О, страшное свершивший! Как дерзнул
Ты очи погасить? Внушили боги? —

Эдип дает в высшей степени противоречивый ответ:

Аполлоново веленье,
Аполлон решил, родные!
Завершил он мои беды!
Глаз никто не поражал мне, —
Сам глаза я поразил.

Так «Аполлон» или «сам»? И тот, и другой. За Аполлоном — сила непреложной, предначертанной судьбы: трагедия «показывает человеческую волю (даже самого чистого человека!) и божественное предначертание в виде расходящихся стрелок. Все побуждения и поступки Эдипа, все события трагедии направлены на рациональный выход из бедствия, в какое погружена вымирающая страна. Добра хочет Эдип, об исцелении молятся жрецы, умилоствуют богов граждане. Эдип вопрошает оракула и следует его указанию. Он проклинает осквернителя, вызвавшего мор и бесплодие страны. Он приказывает обнаружить его и придать погибели. Он полон решимости до конца выполнить долг благочестия. <...> Но <...> суть кроется в том, что Эдип обречен своей участи еще до появления на свет. Осквернитель — это он. Проклял он самого себя, не зная об этом» (О.М.Фрейденберг)¹⁸. Эдип — орудие и объект — игрушка — безразличного рока.

И все? Нет, не все: за Эдипом — сила его волевого, сознательного подчинения воле Аполлона и судьбы. Он как гарант справедливости поклялся избавить город от скверны — и избавил — своей рукой от себя же (вспомним еще раз, что для грека слепота хуже смерти). Клятва исполнена, «юридическая» справедливость, «ритуальный» смысл восторжествовали. А это значит, что, ослепив себя, Эдип героическим усилием претворил бессмысленную «истину» хтонического «ничто» в человеческую, этическую «истину» вины и наказания. Не будучи виновным в преступлениях, им совершенных, Эдип признал вину и тем самым вернул человеку человеческий смысл; говоря словами Гамлета, «вправил вывихнутый сустав». Таков ответ трагедии — мифу.

Примечания

- ¹ Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 1989. С. 39.
- ² Там же. С. 39–40.
- ³ Там же. С. 40.
- ⁴ Аверинцев С.С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность. М., 1972. С. 98.
- ⁵ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. С. 55.
- ⁶ Мифы народов мира. М., 1991. Т. 2. С. 425.
- ⁷ Там же. Т. 1. С. 56.
- ⁸ Голосовкер Я.Э. Указ. соч. С. 55.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 92.
- ¹¹ Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 482.
- ¹² Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 93.
- ¹³ Там же. С. 95.
- ¹⁴ Ахутин А. Тяжба о бытии. М., 1997. С. 131–132.
- ¹⁵ Фрейдберг О.М. Указ соч. С. 418.
- ¹⁶ Ахутин А. Указ. соч. С. 128.
- ¹⁷ Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 66.
- ¹⁸ Фрейдберг О.М. Указ соч. С. 471.